

КАЛМЫЦКО-НОГАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ XVII в.**The Kalmyk-Noghai Relations at the Beginning of the 17th Century***В. Т. Тенкеев (V. Tenkeev)¹*

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. in History, Senior Researcher of the History, Archeology and Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: tvt75@mail.ru.

Статья посвящена начальному периоду истории калмыцко-ногайских взаимоотношений, который во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных русских архивных материалов автор подробно рассматривает отношения двух кочевых народов в начале XVII в., в свое время существенно изменивших политическую расстановку в Северном Прикаспии и соседних регионах. Автор приходит к выводу, что между народами в это время были не только вооруженное противостояние, но и попытки заключить мирное соглашение. Но отсутствие политического единства в Большой Ногайской орде, а также начало междоусобной войны среди калмыков в 1625 г., не позволили сторонам мирно урегулировать конфликты и разграничить территорию кочевий.

Ключевые слова: калмыки, ногайцы, XVII век, Московское государство, кочевники.

The initial stage of the Kalmyk-Noghai relations history still remains low-studied in many respects in the historiography due to the lack of sources. The author considers the relations of the two nomadic ethnic groups on the basis of already known publications and the recently found Russian archival materials. At the beginning of the 17th century the two nations greatly influenced on the political situation in the Northern Caspian and neighbouring regions.

The Kalmyk-Noghai relations developed towards escalation of conflicts by which the first decades of the 17th century were marked. First of all, it was connected with the arrival of Kalmyk Taishi Kho-Urliuk with his subjects to this area. Thus it should be noted that in the initial stage of relations between two nomadic peoples there was not only an armed opposition accompanied by mutual attacks, but also attempts to negotiate peace agreements. However, numerous conflicts arising in the Great Noghai horde and the internal war among the Kalmyks in 1625 did not allow to peacefully settle contradictions and quarrels regarding the territory.

Keywords: the Kalmyks, the Noghais, 17th century, the Moscow state, nomads.

Начальный период истории калмыцко-ногайских взаимоотношений во многом до сих пор остается малоизученным в историографии из-за недостатка источников. В данной работе на основе уже известных публикаций и недавно обнаруженных русских архивных материалов автор подробно рассматривает отношения двух кочевых народов в начале XVII в., в свое время существенно изменивших политическую расстановку в Северном Прикаспии и соседних регионах.

Столкнувшись с сибирскими укрепленными пунктами Московского государства, миграция калмыков, начиная со второго десятилетия XVII в., получила уже западное направление. Обойдя с севера казахские кочевья, калмыцкие улусы двинулись по

маршруту вдоль рек Иртыш, Ишим и Тобол, достигли степной части Тургайской ложбины, откуда двинулись на юго-запад, добравшись почти до Приаральских Каракумов. После этого движение их вновь получило западное направление, теперь уже вдоль рек Эмба и Яик, с выходом непосредственно к берегам Нижней Волги. В ходе продвижения на запад калмыки столкнулись с новыми для себя соседями – ногаями и башкирами. По мнению В. Трепавлова, первоначально этот процесс носил «пульсирующий» характер миграций, доказательством чему служат свидетельства об эпизодическом появлении калмыков в степях Северного Прикаспия еще во второй половине XVI в., когда в 1556 и 1560 гг. восточное крыло ногаев совместно с астраханскими стрельцами успешно

отбило нападение калмыков [Трепавлов 2002: 371, 372].

В начале XVII в. восточные границы Большой Ногайской Орды начинались в районе Эмбы. Именно здесь весной 1607 г. ногаи князя Иштерека неожиданно обнаружили калмыков [Трепавлов 2002: 412]. Среди ногайских мирз пронесся тревожный слух о поездке калмыцких послов в Москву и получении ими разрешения подчинить ногаев власти тайшей [Богоявленский 1939: 56]. Во втором десятилетии XVII в. огромное пространство между Самарской Лукой и Аралом почти ежегодно становилось ареной постоянных стычек калмыков с ногаями [Златкин 1964: 83].

Об опасности появления калмыков в районе Яика был предупрежден и московский царь Михаил Федорович, планировавший в 1613 г. отправить своих послов в Хиву и Персию [Веселовский 1888: 366, 367]. Такие опасения не были беспочвенными, так как в том же году был отмечен переход через Яик 4-хтысячного отряда калмыков и внезапное его нападение на ногайский улус мирзы Кель-Мухаммеда [Богоявленский 1939: 57]. В ноябре в Уфе стало известно от башкир, что объединенный отряд, состоящий из ногаев, астраханских стрельцов, крымцев, казыевцев и черкесов, под началом Иштерека и Кель-Мухаммеда двинулся против калмыков. Местом предполагаемого сражения была назначена «великая гора Урук» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1613 г. Д. 1. Л. 1–3]. Результат этого вооруженного столкновения стал известен из сообщения в Москве ногайского посланца Кары Богатыря, согласно которому, Иштереку якобы удалось разгромить калмыков и «с юртов согнать» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1614 г. Д. 2. Л. 2].

Движение калмыков в яицком направлении не встретило сильного сопротивления. Первоначально они представляли собой всего лишь небольшие разведывательные отряды, которые искали пути для возможной миграции на запад в случае неудачных военных действий на восточном направлении. Другой причиной, заставившей калмыков устремиться в западном направлении, как отмечал С. К. Богоявленский, было и то, что вследствие больших снегов скот не находил себе подножного корма и практически весь вымер [Богоявленский 1939: 57]. Действительно, осенью 1615 г. и зимой 1615/1616 года в регионе наблюдались сильные замо-

розки, и, как отмечали очевидцы, «многие с стужи помирают и лошади падут» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1616 г. Д. 1. Л. 6]. Это было следствием того, что экстенсивное скотоводческое хозяйство кочевников постоянно терпело большой урон при наступлении неблагоприятных погодных условий. Такие чрезвычайные обстоятельства, как *дзуты* (гололед зимой), бескормицы из-за засух в летнюю пору, эпизоотии и др. приводили к массовому падежу скота, что могло побудить обнищавших и терпящих голод скотоводов искать новые источники для своего пропитания [Санчиров 2011: 68].

В 1617 г. ногайский мирза Иштерек жаловался в Москву о разорении его людей калмыками [Трепавлов 2002: 412]. 1619 г. был отмечен новым нападением калмыков на ногайцев, кочевавших по рекам Узень и Камыш-Самара в Волго-Яицком междуречье. Улусы двух враждующих ногайских родов — Урмаметевых и Тинмамметевых — находились в постоянных столкновениях. Напуганные усилением Урмаметевых, Тинмамметевы увели свои улусы к Яику и стали в укрепленном месте. Но здесь они подверглись нападению калмыков, страх перед которыми был сильнее внутренней вражды и недоверия к русской власти. Это в конечном итоге привело к тому, что дети Иштерека и Дин-Мухаммеда вновь были вынуждены прикочевать к Астрахани [Кусаинова 2005: 158].

Наступление войск монгольского Алтын-хана вынуждало тайшей не только поддерживать мирные отношения с Московским государством, но и искать жизненное пространство в западном направлении, особенно в случае возможного поражения и отступления. В мае 1622 г. ногаец Ишбердей сообщил в Астрахани, что в районе развалин городка Сарайчика на Яике объявился отряд в 800 калмыков под началом Ишима, сына Кучума, и хошутского тайши Тлеченбая — брата Байбагаса. Они разгромили кочевавших здесь татар-тумаков. Сам Ишбердей в числе 32 человек был взят в плен, но через 3 дня ему удалось сбежать, объявился он в улусе Каная. Калмыки перешли в Волго-Яицкое междуречье и кочевали в урочище Насыр Хабырге. Главной целью Тлеченбая и Ишима были алтыульские татары мирзы Султана, но, узнав, что те приняли царское подданство и кочуют под защитой Астрахани, они отменили свой набег и ушли за Яик, на урочище Кайнар Сагызу.

Астраханские власти так и не решились отправить посланцев к калмыкам, тем более, что они быстро исчезли из зоны видимости [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 11–13].

Действия калмыков вызвали такую волну паники у ногайских мирз, что для их успокоения царской администрации пришлось расставить в улусах стрелецкую охрану [Богоявленский 1939: 61]. Подобные свои действия в степях Северного Прикаспия калмыки считали оправданными, поскольку этот регион представлялся им вполне безопасным, так как находился на весьма отдаленном расстоянии от неприятельских сил.

В сентябре 1625 г. ногайский бий Канай сообщил в Астрахани, что был инициатором отправки Алей-мирзы к калмыцким тайшам. Подобная самостоятельность ногайского князя не вызвала одобрения у астраханских властей, и ему впредь было запрещено без ведома администрации ссылаться с калмыками. Канай же попытался договориться с тайшами, предложив им заключить мирное соглашение и установить торговые отношения. Дорога в калмыцкие улусы, располагавшиеся в это время на Иртыше, заняла у Алея около 14 недель, а пробыл он там в общей сложности 2 месяца. Согласно данным Алея, «начальными людьми» у калмыков были хошутский Чокур, дербетский Далай-Батур, торгутский Мерген-Темене и Батур. Тайши довольно приветливо встретили мирзу, который, по указанию Каная, предлагал, чтобы они «со всеми калмыцкими людьми были под... царского величества высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступны». Калмыцкие владельцы подтвердили свое желание поддерживать с Канаем мирные отношения и выразили желание отправить в Астрахань на продажу 3 тыс. лошадей [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 47–51].

Калмыцкая сторона была заинтересована в договоренностях с ногаями, чтобы обеспечить безопасность своих кочевий на юго-западном участке. Но единственным из тайшей, кто вступил в непосредственные переговоры с ногайской стороной, был Батур. Он подарил Алею 3 калмыцких коня, а вместе с ним к Канаю отправил своего посланца Алатая, послав «в поминках» одного коня. Канай подарок принял и уже с калмыцким представителем отправил к тайшам Кулука, чтобы тот проведаль: «калмыцкие тайши к нему, к Канаю князю, послов своих присла-

ли с правдою и не чают ли они какова дурна?». В ноябре 1625 г. Кулук благополучно вернулся с новым калмыцким посольством и заверением калмыцкой стороны в мирных намерениях. В непосредственной близости к ногайским кочевьям калмыцкие улусы располагались на урочищах Иргиз и Сауке, в 25 днях пути от Астрахани. И, несмотря на заключение мирного договора между калмыцким посланцем и Канаем, вскоре 700 улусных людей под командой Тордугала из ногайского клана Тинмаметевых угнали лошадей из близлежащих калмыцких улусов. Спустя месяц в повторный набег направились люди Хан-мирзы Тинмаметева. Все это обеспокоило русские власти, так как из-за ответных действий калмыков могло начаться массовое бегство ногаев на правый берег Волги. Правительство строго предупредило мирз, чтобы они своими необдуманными действиями не раздражали калмыков, а инициатора угона калмыцких лошадей посадили в тюрьму [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1625 г. Д. 1. Л. 79–81].

Как видно из свидетельств мирз, первыми мирное соглашение все-таки нарушила ногайская сторона. Ради справедливости отметим, что клан Тинмаметевых не имел договоренностей с калмыцкой стороной. Но именно их действия подорвали в целом доверие тайшей к мирзам, и они негативно отразились в дальнейшем на развитии калмыко-ногайских отношений.

Вспыхнувшая в 1625 г. междоусобная война среди калмыков вызвала новую волну миграции части калмыцких улусов в западном направлении. После столкновения с братом Байбагасом Чокур и его сторонники перекочевали к верховьям реки Эмбы. Здесь они встретили улусы алтыульских татар, принадлежавших мирзам Салтанаю и Шайнеку, которые, не желая быть у русских в подданстве, удалились из-под Астрахани. По сообщению ногайского Султана-мирзы Шихмамаева, в начале 1626 г. в улус алтыульского мирзы Шайнека на Эмбу прибыли послы от тайшей Далай-Батура, Мангыта и Батура с предложением о заключении мира и ведении совместных военных действий против общих недругов. Улусы указанных тайшей в это время кочевали в Приаральских Каракумах и Барсучьих песках, примерно в 15 днях пути от улуса Шайнека [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1626 г. Д. 1. Л. 221, 222].

Военные неудачи, как правило, сопровождавшиеся значительными потерями скота и имущества, побуждали кочевников искать новые возможности поживиться за счет более слабого соседа. Часть калмыков выступала за то, «чтоб идти войною на нагайские улусы, а другая де половина их говорят, чтоб им на нагайские улусы войною не ходить». Кочевавшие по Эмбе калмыки стали сговариваться с алтыульцами о совместном походе против астраханских ногаев. Алтыульские мирзы в это время окончательно рассорились с русскими властями, поскольку в конце 1627 г. ограбили отправленного к ним из Астрахани посланца Якова Бухарова, а часть сопровождавших его людей убили [Богоявленский 1939: 64, 65]. Именно этот случай стал причиной отправки весной 1628 г. из Астрахани стрелецкого карательного отряда на Эмбу, в ходе которого были разбиты улусы Султана и Шейх-Мухаммеда. Согласно союзническим договоренностям, алтыульцы обратились за военной помощью к тайше Дайчину, сыну Батура [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1627 г. Д. 1. Л. 354–358].

После разгрома своих становищ царскими войсками алтыульские мирзы задумались о пути дальнейшей миграции. Султана предлагал откочевать под защиту хивинских или казахских ханов, Шейх-Мухаммеду и его брату Кулаю более подходящим направлением миграции казались бухарские владения. Кроме того, была возможность присоединиться к туркменам или калмыкам. Во время этих споров произошла даже ссора между Султанаем и Шейх-Мухаммедом, которые стали кочевать порознь. Однако выбора ориентации им не оставило вмешательство калмыков, которые подошли вплотную к алтыульским становищам [Трепавлов 2001: 43].

На основании сведений из русских источников можно прийти к выводу, что появление калмыков на Эмбе было связано с поражением группировки Чокура от казахов. Силы Чокура и его соратников рассеялись, а около 2 тыс. калмыков, таким образом, оказались в верховьях Эмбы. Отсюда они отправили пятерых посланцев к алтыульским мирзам, Султанаю и Шейх-Мухаммеду, с предложением объединиться и совершить совместный набег на нагайские улусы под Астраханью. Но мирзы отказались, сославшись на малочисленность и желание уйти кочевать в Туркестан или под Ургенч [РГА-

ДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 2. Л. 342, 343].

О первых контактах калмыков с астраханской администрацией становится известно, когда зимой 1627/1628 года в Астрахань для переговоров приехали алтыульский Алей-мирза с двумя калмыцкими посланцами. Как оказалось, инициатором их отправки была супруга тайши Батура, которая с детьми кочевала по Эмбе в 5 дней пути от устья реки. Вверх по реке от них также кочевали небольшие разрозненные группы калмыков, а в 12 дней пути от Эмбы располагался улус торгутского тайши Мерген-Темене. Всего в общей сложности калмыков насчитывалось около 3 тыс. улусных людей, и они испытывали серьезные материальные трудности: «животиною и лошадми скудны», — так как в течение 1627 г. дважды подверглись разгрому со стороны казахского хана Ишима. Супруга тайши Батура призывала алтыульских мирз кочевать с ней совместно, чтобы сообща противостоять «недругам» или совершать на них набеги. Но мирзы предпочли все-таки кочевать отдельно от калмыков, сославшись на зимнюю непогоду [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1628 г. Д. 1. Л. 137, 138].

Осенью 1628 г. вспыхнул новый конфликт между ногаями. Воспользовавшись ситуацией, алтыульские мирзы срочно отправили калмыкам на Эмбу предложение о совершении совместного набега против ногаев. В ноябре в Астрахань прибыл раненый конный стрелец М. Яковлев, со слов которого стало известно, что 31 октября, ночью на заре, нагайский улус Мамбет-Сеина, сына Кары Кель-Мухаммеда, подвергся внезапному нападению калмыков. Большинство ногаев не смогло организовать должного сопротивления и просто разбежалось, а М. Яковлев был ранен в плечо из лука. Улус Кель-Мухаммеда срочно прикочевал к переправе на реку Бузан. Астраханские власти сформировали отряд под началом стрелецкого сотника М. Шаблика для преследования калмыков. По сведениям стрелецкого головы Семена Осичкова, ногаи в момент сражения бросили стрельцов и сбежали, а самим служивым людям пришлось в окружении отсидеться в тележном городке, захватив в плен двух татар [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 18, 19].

По сообщению пленных, в последнем набеге принимали участие 2 тыс. калмыков под началом Доржи, Мерген-Темене, Батура, Куена, а также 250 алтыулов мирз Сул-

таная, Мамаю, Урака, Шамамета и Юсупа. Сбор их отрядов состоялся в междуречье Яика и Эмбы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 27–30].

Слухи о намерении калмыков перейти в Волго-Яицкое междуречье вызвали среди ногаев новую волну паники. В октябре в Астрахани объявился выходец из калмыцкого плена, ногаец Белек, со слов которого стало известно, что калмыки и алтыулы кочуют в низовьях Эмбы и готовят очередной набег на ногайские улусы. После погрома ногаев калмыцкие тайши планировали кочевать примерно в 70 верстах от Астрахани — в урочище Кондаки, как они сами объясняли, «потому что те кандаковские места изстари были их калмыцкие кочевные места» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 285, 286]. Алтыулы угрожали другим ногаям выгнать всех их на правый берег Волги, а самим с калмыками кочевать в междуречье [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 37, 38].

Астраханские власти не могли согласиться с подобными планами тайшей, но противопоставить им значительные военные силы тоже не имели возможности, ограничившись лишь дополнительным усилением охраны ногайских улусов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 287]. Очередная вспышка междоусобицы в ногайской среде и усиливавшееся давление калмыков вынудили правящую верхушку ногаев в 1629 г. обратиться к Москве с прошением взять на себя управление ордой [Трепавлов 2002: 412].

В марте 1629 г. Канай располагал сведениями, что алтыулы численностью в 500 человек кочуют за Эмбой в урочище Шам, калмыки на правом берегу Эмбы, у реки Оил. По словам едисанского перебежчика Бердыгула, всего калмыков насчитывалось около 5 тыс. человек. Весной они планировали очередной набег на владения Каная, в частности, на едисанские улусы [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 205]. Но ни весной, ни летом этого года набегов со стороны калмыков не наблюдалось. В сентябре ногайские перебежчики вновь предупреждали Каная о готовящемся набеге, но уже со стороны Мерген-Темене, кочевавшего около Яика и располагавшего силами до 2 тыс. человек. Канай, не дожидаясь очередного набега, просил астраханские власти подкрепления для упреждающего удара по калмыцким улусам, тем более что количе-

ство их было весьма мало. Но воеводы, не владея точной информацией о численности калмыков, не решались без царского указа отправить своих служилых людей в столь далекий поход и ограничились лишь охраной ногайских улусов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 43–47, 260].

Осенью 1629 г. 30 едисан-ногаев ходили под калмыцкие улусы на Эмбу и угнали 130 лошадей. Отряд в 50 калмыков сумел их настичь, в ходе боя они взяли в плен ногайца Беша Бегемышева. Через две недели ногайца отпустили в Астрахань, чтобы тот передал воеводам следующие слова: «Они, калмыцкие тайши, преж сево были в холопстве под твоею государскою высокою рукою и кочевали блиско Сибири на реке Иртышу. И тому де государь ныне другой год, учиня они с своею братею с калмыки меж себя рознь и войну, пришли с улусы своими кочевать на реку на Емму, а ныне кочуют блиско Яика. И их бы калмыцких тайшей со всеми их улусными людьми принять... под твою царского величества высокою руку в холопство и велети б им с улусы своими кочевать по реке Ембе и по Яику». Всего у этой группы улусов насчитывалось 5 тыс. калмыков и 1 тыс. алтыулов, в том числе 800 человек с «огненным боем». Улусные люди Чокура всерьез опасались прихода хошутских тайшей Гуши и Дургучи (Кунделена-Убаши), братьев Байбагаса, у которых в общей сложности насчитывалось 20 тыс. воинов, а также их союзника — казахского Кучука Салтана, имевшего в распоряжении 10 тыс. воинов [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 289–293].

Астраханские власти положительно отреагировали на просьбу Чокура и его сторонников, отправив к ним того же ногайца Беша и 5 юртовских татар с уведомлением прислать в Астрахань для переговоров послов и аманатов. Калмыкам указывалось кочевать за Эмбой и не приходить войной на ногаев. Алтыульским мирзам предлагалось отойти от калмыков и вернуться под Астрахань [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1629 г. Д. 1. Л. 293–295].

В дальнейшем калмыцко-ногайские отношения стали развиваться в русле эскалации конфликта, которым отмечены почти все 1630-е годы. В первую очередь это было связано с приходом в степи Северного Прикаспия улусов тайши Хо-Урлюка. Таким образом, надо отметить, что в начальном периоде взаимоотношений двух коче-

вых народов были не только вооруженное противостояние, сопровождавшееся взаимными набегами, но и попытки заключить мирное соглашение путем переговоров. Однако отсутствие политического единства

в Большой Ногайской орде, а также начало междоусобной войны среди калмыков в 1625 г., не позволили мирно урегулировать все возникавшие конфликты и разграничить территорию кочевий.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.

Веселовский Н. И. Передовые калмыки на пути к Волге // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 3. СПб., 1888. С. 365–370.

Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.

Кусаинова Е. В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV–XVII веке. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 230 с.

Санчилов В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. М., 2011. № 29. С. 67–73.

Трепавлов В. В. Алтыулы: остатки Ногайской орды в казахских степях // Вестник Евразии. М., 2001. № 2. С. 33–53.

Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2002. 752 с.